

КОНФЕРЕНЦИЯ:
"ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ"

Б.Иванов

ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛИЗМ

/тезисы/

Открывая конференцию, было бы, на мой взгляд, нечестным говорить о 1000-летии крещения Руси как о празднике. Обозревая страну, мы видим почти бeraздельное господство бюрократических структур – государственных и церковных, слабость и шаткость общественности, делающей свои первые шаги. Доклады, которые здесь прозвучат, не могут не передать тревогу и опасения за судьбы нашей родины. Духовный кризис настолько глубок, что мы не в состоянии ответить на него, как отвечают здоровые, полные ясного сознания люди. Мы не можем предлагать рецепты спасения, ибо сами в **нём** нуждаемся. Ничто, кроме ропота, не объединяет нас, – с ропотом русского народа, ропотом российской интеллигенции. Кому адресован наш ропот? Начальству? Но оно само причина кризиса. Народу? Но наш великий народ деморализован, и мы, часть русского народа, знаем это. Богу? Но мы отстали от Него.

1000-летие крещения Руси служит для нас сигналом собраться разумом и волей. Так было всегда, когда общество переживало трудный час выбора, – оно обращалось к своим духовным и культурным истокам. И это делаем мы, участники этой конференции, надеясь, что коллективный поиск истины не окажется бесплодным.

I. В послевоенной Европе философ Карл Ясперс мог говорить: "мы продолжаем мыслить на основе библейской традиции". Однако, о себе мы так сказать не можем. Социализм как идеология, как мораль, как порядок – традиция, в рамках которой осуществляется мышление и поведение современного советского человека. Это должно быть признано как отправной фундаментальный факт для размышления о судьбах нашей культуры. И мысля именно в рамках социализма мы сейчас пытаемся осознать то, что здесь названо: "Ценности христианской культуры". Это не парадокс, это реальная позиция, которая не может исчезнуть из наших рассуждений и во дни, когда предпринимаются попытки социализм реформировать. Многие из присутствующих, по-видимому, посто-

яенно будут чувствовать подтекст, который формулирует тему конференции так: социализм и христианские ценности.

Некоторые, к такой постановке проблемы придут в конце нашей встречи. Но есть здесь и те, которые начали размышлять на эту труднейшую тему много лет назад. И этот главный мотив для размышлений породил многие экзистенциальные и творческие следствия. Я буду говорить лишь о том, что позволяет указывать на следствия абсолютно очевидные.

II. Некоторые наши гуманитарии связывают возрождение русского национального сознания с радикальным отвержением социализма и с христианизацией России. Получается так, что до той поры, пока такая христианизация не произойдет, - а это значит, что знания христианского вероучения должны стать в этом случае всеобщим, что возможно лишь при активном участии в этом в десятки раз усилившейся церкви, усилившей не только свои культурные и нравственные позиции, но и материальные, - национальное сознание нашего народа возродится не может. Невозможность такого нового крещения Руси мне кажется очевидным, но из этого не следует, что ценности христианской культуры уже не имеют исторической силы. Мне кажется, что действительная и подлинная реформация СОЦИАЛИЗМА КАК ТРАДИЦИИ осуществима лишь в той мере, в какой социализм сам себя будет все более осознавать "частным вариантом" традиции более широкой и более человечной, и более жизнестойкой - ТРАДИЦИИ ХРИСТИАНСКОЙ, на почве которой сам социализм возрос и благодаря чему, как доктрина, мог обрести свой авторитет. Основной смысл моих тезисов таков: какая бы сила не реформировала российский социализм, его продуктивные изменения неизбежно будут связаны с христианской культурной традицией.

Более того, мы сегодня уже видим начало этого процесса

III. К основным ценностям христианской культуры относится ее язык. Язык христианской культуры обладает способностью к глобальномухвату: неба и земли, космоса и духа, страстей и

созерцания, мира высокого подвига и мира инфернального. Это язык ~~шагающих~~ евангелий, Иоана Златоуста, Августина Блаженного, Лютера, протопопа Аввакума, Толстого... Сейчас трудно поверить, что ревнители российского социализма изгоняли из русской речи не только слово "Бог", но и такие, как "дух", "душа", "совесть", "грех", "откровение", "добро", "милосердие", "прощение", "покаяние"... Народы России на десятилетия погрузились во тьму, ибо исчез даже язык, который бы мог эту тьму осветить. "Коллективизация", "экспроприация", "индустриализация", "механизация", "производительность труда"---этот язык, лишенный человеческого смысла, становился языком общения между властью и народом. Так закладывались предпосылки противоестественной политики, которые язык ее формировал, этот ее противоестественный смысл скрывал. Новые слова исказили и заменили реальность; и сейчас, когда историки и публицисты пытаются рассказать о том, что же, все-таки, было в действительности, мы наблюдаем воскрешение христианской мысли и христианского языка. ПРАВДА И ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА ДРУГ ОТ ДРУГА НЕОТДЕЛИМЫ.

IV. Монотеизм христианской религии был величайшим источником европейской философии и этики, ее духа, поиска абсолютного и универсального, преодолевающего категории национального, и классового, и временного. Атеистический социализм провозгласил носителем "откровения" пролетариат. Свои истины он должен был распространить и утвердить среди всего человечества. Исходя из этой веры, российский социализм уничтожил одни сословия - привилегированных и предприимчивых, унизил другие - интеллигенцию, и разорил крестьянство. На основе идеологических представлений об исключительной роли советского социализма - то есть СССР, оправдывались имперские амбиции, расчеты на мировое господство; советский народ должен был принести миру новый мир. Но "социалистический человек" оказался не новым человеком, но вариантом "ветхозаветного": авторитарным, безвольным, неспособным к качественному труду, - политическим солдатом, то есть стоящим на крайне низком уровне политического, национального и личностного мышления. Если монотеизм христианского восприятия человека и мира, Бога и личности,

сделал христианскую культуру носителем согласия, взаимопонимания, человеческого единства, то атеистический социализм полагал одной из главных своих целей распространение идеи смертельной борьбы, гражданской бойни, экспроприации и насилия.

Сейчас, когда идеологи реформации социализма заговорили о примате общечеловеческих ценностей над расовыми и классовыми, отказываются от роли могильщиков демократических стран Запада, неизбежным оказался поворот и в системе глобальных представлений. И если "новое мышление" - это значит принять мир таким, каков он есть, и понять себя как часть этого общего мира, то и здесь мы оказываемся на территории, где властвует христианская традиция.

Любовь, - если не действительная, но как желаемая цель отношений между людьми и народами, - должна быть нами осознана как нормативный идеал и политики, и культуры.

У. Из принципиального отказа атеистического социализма сообразовывать свои действия с общечеловеческой моралью проистекли следствия антигуманного и преступного смысла. Например, пусть лучше миллионы престарелых и увечных, получая похлебку от государства, страдают и умирают без утешения, но ни в коем случае к ним нельзя допускать людей христианского доброделания. Пусть спиваются миллионы тружеников, но не пустим на улицы и в дома проповедников трезвой трудовой жизни - баптистов, пятидесятников. Пусть народ развращается в повальном воровстве, но нельзя допустить, чтобы с амвона церквей раздавались проповеди нестяжаний на земле богатства. Пусть погибнет и сгинет страна, но важно, чтобы до последнего часа она оставалась под мудрым руководством безбожников.

Вот та реальная мораль, которой придерживалось руководство страны до последнего времени, и которая еще не высветлена со всей ясностью в народном сознании. Нужно ли при этом возражать на обвинение христианской этики в отсталости! Как будто могли устареть заповеди: НЕ УБИЙ, НЕ ЛГИ, и настало время для проповеди: УБЕЙ! ЛГИ! Как будто в нелепый архаизм превратился другой ~~и~~ библейский императив: НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМРА. И вернее почитать, как Бога - и ~~уголовных~~ преступников,

и самодовольных глупцов, - каждого, кто воцарился на посту генерального секретаря. И сейчас, когда робко и неуклюже обсуждается вопрос о периодической смене верховного руководства страны, то этим безбожники лишь хотят приблизиться к тому смыслу, который в заповеди "о кумибрах" воплощен. Христианские этические нормы - это общечеловеческая конституция, оберегающая христианские народы от сатанизма власти, дезинформации, насилия, амбиций слепых пастырей.

VI. Аморализм воинствующего атеизма также в том, что он не только десятки лет изобретал и преувеличивал реальные и мнимые пороки Православной церкви и верующих других конфессий, он сделал всё, чтобы сделать водителей христианской паствы безвольными, тупыми, своекорыстными интриганами, равнодушными к судьбам своего народа, чтобы они стали такими же бюрократическими монстрами, какими вожди становились сами.

В Ленинграде недавно организовано общество "Милосердие". Организаторами общества предпринимались попытки соединиться в своей человеколюбивой деятельности с церковью. Но власть восприняла такому союзу. Из этого, - есть и другие примеры, - следует то, что бюрократия, в том случае, когда она идет на реформы, будет их проводить в контексте другой лексики и не без детской своей слабости к фальсификации. Можно быть уверенным, что уже написана статья, в которой утверждается, что общество "Милосердие" вдохновляется в своей работе примерами из деятельности ЧК Дзержинского, который /после того, как расстрелял отцов/ собирая детей по подвалам и кладбищенским склепам. Но наша общественность, вероятно, сумеет вернуть памяти народа гигантскую, веками непрерывающуюся деятельность Церкви, верующих, богоугодных и заведений, - чудесные примеры бескорыстия и самоотвержения, без которых русский народ никогда бы не носил веками один из самых великих эпитетов - добрый. Милосердие/ - одна из самых прочных нитей, которыми прошивается народное единство. Каждой республике, каждому городу, поселку, селу нужны, если не группы, то - люди, которые знают ч т о они делают, творя добро другим.

Мать Мария - подвижница "Православного дела" - организо-

вывала помочь сотням и сотням русских эмигрантов, оказавшихся после гражданской войны во Франции. Она приходила к ним в трущобы не с мандатом государственного чиновника, а посланцем Божественной благодати. И фашистский концлагерь не мог лишить ее возможности творить добро. Ей принадлежат поразительные слова о службе мирскому: "Чем больше мы входим в мир, чем больше мы отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает." Дзержинский, будучи аскетом, будучи целиком траченным на заботы об общем благе, с самого начала не поставил себя в положение универсального равенства и единства с ближними, с самого начала утвердил себя в качестве марксиста, управленца, распоряжающегося народным имуществом, жизнями в интересах аппаратных целей. Всё это расцветет потом невиданным фарисейством, когда народ должен будет благодарить за то, что он ест свой хлеб и живет в своих домах, и его дети учатся грамоте.

Добро в христианском понимании – есть больше, чем справедливая оплата труда, больше, чем система государственного страхования и социального обеспечения; доброта – это культура души, которая выражается в терпимости, доброжелательности, скромности, в стремлении дать, а не взять, в превосходстве щедрости над расчетом. Расчет плодит бесчувственных крохоборов, бюрократическую и унижающую человека калькуляцию.

УП. Если СОЦИАЛИЗМ при действительной реформации неизбежно оказывается на территории христианской культурной традиции, то, из этого следует, что СОЦИАЛИЗМ и ХРИСТИАНСТВО должны стать фундаментальным фактом как идеиного, так и культурного плюрализма в стране. Христианские издания, христианские общества, искусство, выражающее религиозный опыт христиан, – всё это должно обеспечить истинность и полноту общественных преобразований России. Это можно назвать "великим компромиссом" или новым мышлением, но, как бы там ни было, нам предстоит глубоко осознать, что как традиции – и социализм, и христианство являются источниками конструктивизма, если они не станут исчерпывать свои силы во взаимной борьбе. Компромисс между авторитарными институтами – атеистическим государством и церковью – есть важнейшее условие для

стратегии преобразований.

УШ. Вместе с тем, мы не можем призывать Церковь к историческому риску или переменам, к которым готова ^{не} РПЦ. Но христианство – это всеобъемлющая культура, в которой Церковь занимает исключительное место, но не всё исчерпывающее.

Мне кажется, творчество христианской культуры в ближайшие десятилетия станет сознательной целью нашей новой философии, литературы. Мне кажется, идеи христианской нравственности приведут к созданию организационно-структурированной христианской общественности. По-видимому, общественность не должна поучать Церковь, но защищать обязана. Но мы можем оказаться перед тем фактом, что Церковь не захочет, чтобы ее защищали с тем, чтобы внешними причинами оправдать свою внутреннюю деморализованность и потерю исторической ответственности. Именно в такой ситуации общественность протестует и зиркульирует, религиозность становится сектулярной по существу, не понимая свою роль в делах Бога второсортной. Это будет для России чем-то вроде нового протестантизма, более светского, чем классический протестантизм. Думаю, что этот процесс уже начался. Происходит важное: религиозная общественность не боится обрести свое лицо. Оно возникает из тональности обращений к руководству церкви и к власть придержавших. Но наша религиозная общественность еще не сложилась в призывах к нашему поколению, в ответах на наши "неспециальные" проблемы, – проблемы нации и проблемы ближнего, смысла эпохи как Божественного промысла.

IX. Я бы так сформулировал то социально-нравственное настяние, которое непосредственно вытекает из факта нашей конференции – необходимо создать **ОБЩЕСТВО ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**.

.....